

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ ФОЛЬКЛОР В ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

© 2020 г. Ю.Е. Березкин

*Д-р ист. наук, заведующий отделом Музея антропологии
и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

berezkin1@gmail.com

*Статья подготовлена в рамках работы по гранту РФФ № 18-18-00361.
Значительная часть использованных данных собрана и проанализирована
участником гранта Е.Н. Дувакиным.*

В статье проанализированы данные о распределении фольклорно-мифологических мотивов в Евразии. Восточнославянские наборы образов, отражающих представления о мире, близки центральноевропейским и балканским. Для северных русских значим уральский субстрат (адстрат). Источники инноваций в европейских сказках – тюрко-монгольский мир и Передняя Азия, но не Индия. Богатство славянских традиций связано с разнообразием внешних влияний.

The article describes results of computer processing of the mass data on folklore and mythology of Eurasia. Ideas related to the worldview are shared by Eastern Slavs with the Central European and Balkan traditions. The Northern Russian traditions demonstrate the Uralic influence. The Turkic-Mongolian world and the Near East are major sources of episodes in European tales of magic and animal tales. The extraordinary wealth of Slavic folklore is a result of diverse outer influences.

Ключевые слова: точные методы в гуманитарных науках, фольклор, мифология, межрегиональные культурные связи, Восточная Европа.

Keywords: statistics in human sciences, folklore, mythology, interregional cultural links, Eastern Europe.

DOI: 10.31857/S0869544X0012105-8

Поступки людей обусловлены множеством обстоятельств. Если деятельность исторических личностей документально описана, суждения о причинах принятия ими решений могут опираться на факты. Но гораздо чаще историки всего лишь сопоставляют различные процессы в природе, экономике и социальной жизни, стремясь обнаружить между ними функциональную зависимость. Однако данные письменных источников и археологии сплошь и рядом не совпадают, а большинство предположений касательно причинно-следственных связей впоследствии опровергается. О конкретных побудительных

мотивах, определявших действия масс, не имея прямых свидетельств, судить невозможно.

Люди не принимают решений самостоятельно, а ориентируются на мнения и поведенческие практики, преобладающие в их референтных группах. Если общества изолированы друг от друга, у их членов формируются разные мнения и представления. Это заставляет по-разному реагировать на обстоятельства и в дальней перспективе ведет к расхождению путей эволюции. И наоборот: обмен информацией способствует увеличению культурной однородности и сближению траекторий развития. В отсутствие знаний о направлении и интенсивности такого обмена гипотезы, объясняющие особенности исторического развития, заведомо односторонни.

Результаты анализа ареального распределения фольклорно-мифологических мотивов не являются критически важными для историка. Однако эта информация помогает определить «круг общения» обществ. Это существенно, если стремиться понять, почему определенные исторические процессы захватывают одни территории и слабо проявляются в пределах других.

Традиции и мотивы

Каждый из опубликованных фольклорных текстов отражает высказывание информанта так, как его зафиксировал собиратель. Любой текст в определенных отношениях уникален. Вместе с тем сравнение текстов позволяет выделить в них сходные элементы. Эти элементы – аналитические единицы, «идеальные типы» [1. С. 389; 2]. Идеальный тип – это не исходная форма исследуемых явлений, а шаблон, с которым те сравниваются. Насколько оправдан выбор шаблона, определяется практикой. По мере поступления новых данных шаблоны меняются. Спор о терминах на основании чисто логических соображений не имеет смысла.

После работ С. Томпсона признанными идеальными типами в фольклористике надолго остались сюжеты и элементарные мотивы [3; 4; 5]. Поскольку Томпсон был далек от исторической проблематики и делил мир на *Western civilization* и *Primitive people* (что даже для 1930-х годов являлось анахронизмом), обе предложенные им аналитические единицы не пригодны для наших целей. Конкретные доводы в пользу такой позиции были приведены в [6. С. 154–159; 7. С. 10–11; 8. С. 5–6; 9. С. 35–36; 10. С. 19–28; 11. Р. 2; 12. Р. 219].

Задача данной работы – определить внешние связи европейских и в том числе восточно-славянских фольклорно-мифологических традиций путем анализа массового материала – десятков тысяч текстов нескольких жанров. Главные аналитические единицы – мотив и традиция. Мотив есть эпизод или образ, выделенный в двух (в норме – во многих) традициях. Традиция есть совокупность текстов, зафиксированных в пределах определенной этно-языковой общности или территории.

Степень дробности выделения традиций зависит от обилия или скудости доступных фольклорных данных. Чем более дробной сеткой традиций мы обладаем, тем детальнее реконструкция тенденций распределения мотивов относительно территории, культуры и языка. Однако дробить традиции нельзя беспредельно, иначе они станут несопоставимы из-за неодинаковой степени изученности.

В использованную в работе выборку включены традиции основной части Старого Света – всей Евразии (без ее островной индо-тихоокеанской окраины,

но с Северной Африкой). Обильные восточнославянские материалы разделены пока на десять традиций. Это Терский берег; Архангельская и Олонецкая губернии, Карелия; Вологодская губерния/область (включая Белозерский, Кирилловский и Череповецкий уезды бывш. Новгородской губернии); Псковская и Новгородская губернии/области (учтено не все); юг и центр русской этнической территории на 1500 г.; ранняя русская письменная традиция (учтено далеко не все); белорусы; западные украинцы (Закарпатье, Бойковщина, Галиция, Гуцульщина, Покутье, Буковина, Подолия, украинцы Польши, Словакии, Венгрии, Сербии, Румынии и Молдавии); восточные украинцы (Киевская, Херсонская, Екатеринославская, Полтавская, Харьковская, Курская, Воронежская губернии); северные украинцы (Полесье, Гродненская, Волынская, Черниговская губернии; учтено, вероятно, не все). Данные по русским вне традиционной этнической территории из рассмотрения исключены.

Раз целью является выявление ареальных тенденций распределения мотивов, любые особенности текстов, которые не распространены хаотично или повсеместно, но встречаются в границах определенных территорий, заслуживают выделения и фиксации. Остальные особенности не представляют для нас интереса. Наш «мотив» не имеет отношения к элементарным мотивам С. Томпсона. Речь идет о повествовательных эпизодах и мифопоэтических образах любой сложности. Важно лишь, чтобы их распространение было не повсеместным и не хаотичным.

Все тенденции, о которых пойдет речь, нетрудно проиллюстрировать данными о распространении конкретных эпизодов и образов, но поскольку таковые исчисляются многими сотнями, сделать это в статье практически невозможно. Анализу встречаемости отдельных мотивов могут быть посвящены другие исследования, а сейчас речь пойдет только об усредненных тенденциях¹.

Мотивы можно разбить по тематическим группам. По каким именно, зависит от результатов статистической обработки материала. Если мотивы разных тематических групп демонстрируют разное ареальное распределение, то обрабатывать их в совокупности ошибочно. При сходном распределении группы лучше объединять, увеличив выборку и тем сделав выявленные тенденции распределения надежнее.

В нашем случае потенциально релевантны четыре тематические группы. Это образы и эпизоды, отражающие представления о мире (группа А); приключенческие эпизоды, в основном содержащиеся в волшебной сказке (Б1); трикстерские эпизоды с зооморфными актерами (сказка о животных; Б2); приключенческие и трикстерские эпизоды бытового характера с антропоморфными актерами (бытовая сказка и анекдоты; Б3). Последнюю группу мы пока не рассматриваем ввиду ограниченного объема статьи.

Приблизительно и условно приключенческие и трикстерские эпизоды можно назвать сказочными мотивами, а образы, отражающие представления о мире – мифологическими мотивами. Мифы ориентированы на достоверность содержания и связаны с этническими традициями, а сказки не предполагают достоверности и легко преодолевают этно-языковые границы. Мифы тоже могут заимствоваться, но сказки заимствуются легче. Поэтому в Старом Свете мотивы группы А всегда демонстрируют иные тенденции распределения, нежели мотивы групп Б1 – Б3. Тенденции распределения мотивов,

¹ Резюме примерно 60 000 текстов нашего каталога доступны в интернете (<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>). Карты распространения мотивов онлайн см. на сайте <http://mapsofmyths.com>, о режиме доступа просьба обращаться к автору.

отражающих представления о мире, скорее всего, отражают более раннюю ситуацию, нежели тенденции распределения сказочных эпизодов.

Методы статистической обработки данных

Для обработки данных использован факторный анализ. Он подходит для материала, в котором общности формируются не только филогенетически (от предка к потомкам с последовательным делением ветвей), но и путем обмена элементами между неродственными совокупностями. Параллели между традициями образуют сеть разнонаправленных связей. Факторный анализ позволяет заметить в этой сложной картине основные тенденции — главные компоненты (ГК). Значимы несколько первых, на которые при обработке материалов фольклора приходится 20–25% информации (дисперсии). Остальное — информационный шум. Чем больше выбранных для обработки традиций и чем они разнороднее, тем дисперсия ниже.

Традиции сильно различаются числом зафиксированных мотивов. Плохо изученные традиции программа воспринимает как объективно отличные от богатых и противопоставляет одни другим. Подобная оппозиция интереса не представляет. Чаще всего для любой комбинации традиций и мотивов программа фиксирует три сильные тенденции: одну практически бесполезную (1ГК, иногда 2ГК) и две значимые (2ГК или редко 1ГК и 3ГК). Подробнее см. в [13].

Территориальные совокупности мотивов есть проекции на современность всего того, что распространялось от палеолита до недавнего времени и затем воспроизводилось и смешивалось. Необходимо стратифицировать этот массив. Для каждой выборки программа очерчивает две группы традиций, которые составом мотивов различаются больше всего, и наделяет их цифровым индексом со знаком «+» либо «-». Чем полнее традиция отражает определенную тенденцию, тем абсолютная величина индекса выше. Об ареальных тенденциях распределения мотивов надо судить по самым богатым традициям. При уменьшении числа зарегистрированных мотивов абсолютная величина индекса традиции понижается, хотя характерный для соответствующей группы традиций знак («+» или «-») сохраняется. Однако если материалов совсем мало, резко возрастает возможность случайной ошибки. При обработке каждого набора данных можно примерно определить критический минимум мотивов. Если в традиции мотивов меньше этого минимума, ее нет смысла учитывать.

Группа традиций с индексами одного знака соответствует общности, интенсивность обмена информацией внутри которой была выше, чем интенсивность такого обмена с другими общностями. О каких именно общностях и эпохах должна идти речь, по материалам самих фольклора и мифологии судить невозможно. Для этого полученные результаты надо рассматривать на фоне данных письменной истории, археологии, генетики и лингвистики.

На основе одной исходной корреляционной таблицы, в которой отражена встречаемость мотивов в традициях, можно выделить два-три десятка самостоятельных тенденций. При отдельной обработке мотивов, относящихся всего лишь к трем тематическим группам, и наличию значимых ареальных тенденций распределения, отраженных двумя ГК, получаем шесть карт. На каждой из них будут локализованы две группы традиций, набор мотивов в которых наиболее различен. Тенденции, которые отражают разные ГК и разные тематические группы мотивов, независимы. Они бывают разнонаправленными, и нельзя сказать, какая важнее. Если под важностью понимать долю дисперсии, приходящуюся на соответствующую ГК, то такие оценки возможны,

но они касаются состояния традиций на момент фиксации, а не исторической ценности выявленных тенденций.

Две общности, представленные на каждой из созданных карт (одна из традиций со знаком «+», а другая со знаком «-»), не обязательно относятся к одному историческому периоду. Они могли формироваться в разные эпохи. Периоды, о которых идет речь, — это не хронологические срезы, которые удастся датировать с точностью до века или тысячелетия. Мотивы, ответственные за соответствующие тенденции, могли распространяться постепенно на протяжении длительного времени. Однако такая размытая совокупность все же должна иметь эпохальную привязку типа Средневековья, Античности, среднего голоцена, финального палеолита и т.п. На это указывают разные паттерны распределения, которые хорошо совместимы с данными по одним историческим периодам и плохо соответствуют данным по другим.

В Евразии выделяется много региональных комплексов мотивов с высокими величинами условных математических индексов. Как сказано выше, абсолютная величина индексов отражает выраженность соответствующей тенденции в распределении мотивов по традициям. Чем больше одинаковых мотивов систематически сочетается в определенной группе традиций, тем индексы отдельных традиций, образующих данную группу, выше. Чтобы более сильные тенденции не затемняли более слабые, мы будем рассматривать распределение мотивов не только совокупно в масштабах Евразии, но и в разных ареальных комбинациях.

Образы и эпизоды, отражающие представления о мире

В пределах основной части Старого Света выделяются две зоны распространения космологических и этиологических мотивов — восточная и западная (2ГК). На западе такие мотивы наиболее обильны и разнообразны в пределах большей части Европы, Кавказа и Малой Азии (рис. 1). Максимальные индексы зафиксированы у болгар, французов, поляков, немцев, украинцев (особенно

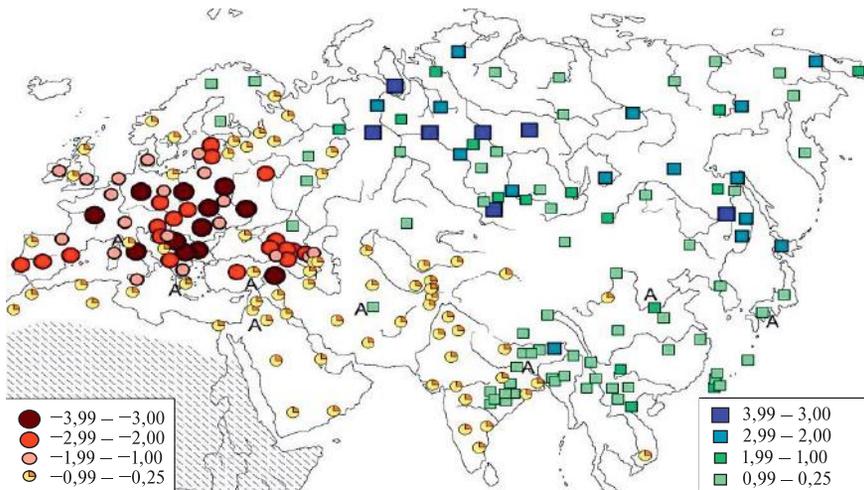

Рис. 1. Результаты обработки данных о встречаемости 777 мотивов группы А (космогония, космология, этиология) в 326 традициях. 2ГК, дисперсия 3,82%. Традиции с числом мотивов <10 и с индексами от 0,14 до -0,24 не на схеме. Здесь и далее литерой А отмечены ранние письменные традиции.

западных), итальянцев континентальной Италии, румын, македонцев, армян, белорусов. На Пиренеях, в Прибалтике и в юго-центральной части русской этнической территории индексы немного ниже, а в северных русских традициях — значительно ниже. Периферия этого комплекса с невысокими индексами того же порядка, что и у северных русских, охватывает Северную Африку, Переднюю Азию, Иран, а в Южной Азии включает традиции индо-арийских и крупных дравидских народов, но не «племенные» традиции средней и северо-восточной Индии. В Среднем Поволжье, Синьцзяне и в верховья Хуанхэ европейско-кавказский комплекс мотивов может быть, по крайней мере, частично связан с распространением ислама. Он заметен у волжских татар и дунган, но отсутствует у мордвы, марийцев и монголов Ордоса, равно как и у казахов. Башкирская традиция занимает нейтральное положение и на схеме не обозначена.

Древние мифологии Передней Азии и Средиземноморья тоже демонстрируют мотивы западного комплекса, однако имеют невысокие индексы — в частности или в основном потому, что большинство сохранилось отрывочно. В древнегреческой традиции число зарегистрированных мотивов достаточно велико, но в ней немало индо-тихоокеанских параллелей, которые нейтрализуют мотивы европейско-кавказского комплекса. Подобные параллели могут указывать на архаичность восточного комплекса и былом распространении характерных для него мотивов по всей Евразии. Европейско-кавказский комплекс следует тогда расценивать как новообразование. Наличие в нем поздних мотивов, распространявшихся в связи с мировыми религиями (хотя не обязательно проникших в фольклор из письменных текстов), сомнений не вызывает. Вместе с тем восточные мотивы в древнегреческой мифологии могли появиться и вследствие контактов между определенными регионами Азии и югом Балкан [14. С. 171–182; 15. С. 629–630].

На западе Евразии нет типичных индо-тихоокеанских мотивов (есть отдельные параллели с Новым Светом, но это отдельная тема). Поэтому надежнее все-таки полагать, что местные наборы мифологических мотивов издавна отличались от распространенных восточнее. Наличие множества аналогий с Америкой, время заселения которой примерно известно, позволяет связать распространение отдельных мотивов, характерных для Сибири, Китая и неарийской Индии, с весьма удаленными и разными эпохами в диапазоне от 7 до 17 тыс. лет назад. Однако для Западной Евразии подобного репера нет и ничего древнее мифологии ранних индоевропейцев здесь реконструировать невозможно.

Авестийская мифология («Бундахишн») имеет очевидные аналогии в индо-тихоокеанском мире [14. С. 171], объяснить которые пока также не удастся.

Противоположный европейско-кавказскому восточный комплекс мотивов охватывает Северную, Восточную и Юго-Восточную Азию. В ослабленном виде он заметен у европейских финно-угров (коми, мордва, марийцы, финны, восточные и западные саамы). Пониженный «европейский» индекс у северных русских наверняка связан с влиянием уральского субстрата и адстрата. Максимальные индексы характерны для Сибири, в частности для манси, восточных ханты, кетов, западных эвенков, тундровых ненцев, нганасан, нанайцев. Типичные сибирские традиции сконцентрированы на западе региона, хотя индексы для наиболее полно описанных традиций в других частях Сибири и Дальнего Востока тоже достаточно высоки. На юге Азии самый высокий индекс у апатани и их соседей в Аруначал-Прадеше. Это своего рода полюс относительной недоступности на границе Индии, Китая и Бирмы, где

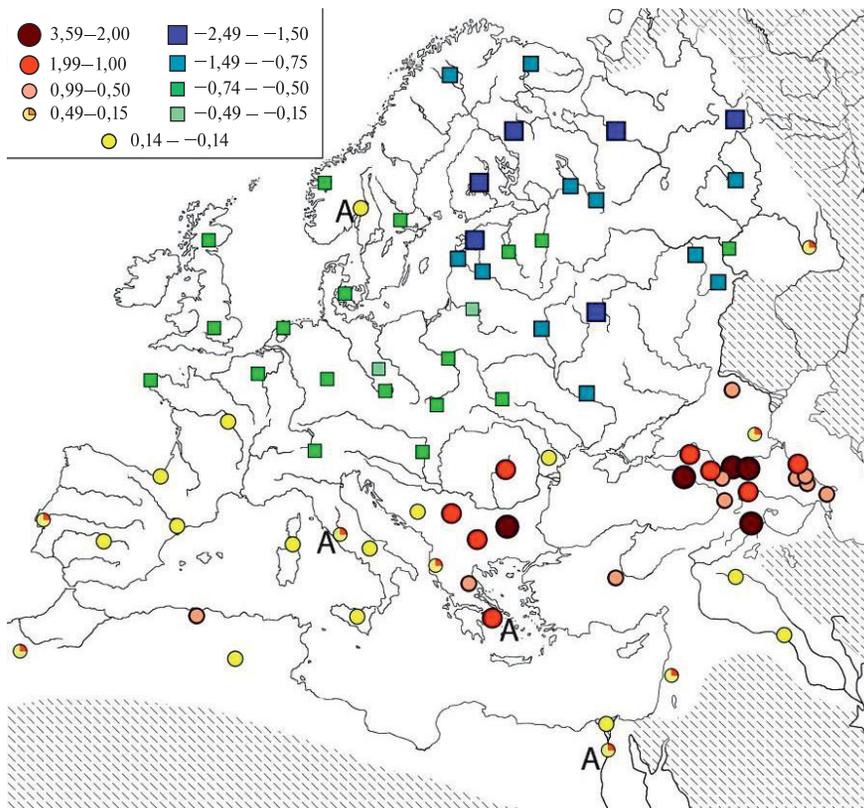

Рис. 2. Результаты обработки данных о встречаемости 459 мотивов группы А в 102 традициях. 2ГК, дисперсия 5,27%. Традиции с числом мотивов < 20 и с индексами от 0,14 до -0,14 не на схеме.

зафиксированы богатые наборы мифологических мотивов. Индекс для древнекитайской традиции тоже высокий.

ЗГК делит восточную зону на юг и север с границей по Южной Сибири. Мифологии Аруначал-Прадеша и Древнего Китая, а также мьяо снова имеют самые высокие индексы в своем регионе, причем ЗГК выделяет специфику именно индо-китайского (или скорее индо-китайско-монгольского), а не сибирского (в смысле северосибирского) комплекса. Оба эти комплекса демонстрируют параллели в Северной Америке – сибирский на северо-западе континента, индо-китайско-монгольский южнее (Равнины, Большой Бассейн, Юго-Запад, Мезоамерика). Это значит, что в эпоху заселения Нового Света не самыми первыми потоками мигрантов (10–14 тыс. лет назад?) в Старом Свете соответствующие наборы мифологических мотивов уже существовали.

Поменяем масштаб и рассмотрим славянские наборы мотивов группы А на фоне данных только по Европе, Кавказу, Северной Африке и Передней Азии (рис. 2). 2ГК показывает, что Северная и Восточная Европа противостоят циркумпонтийскому региону. Центральная Европа и Британия представляют собой периферию северного, а Южная Европа и Передняя Азия – периферию циркумпонтийского комплекса. Восточнославянские традиции снова сходны с финно-угорскими, причем

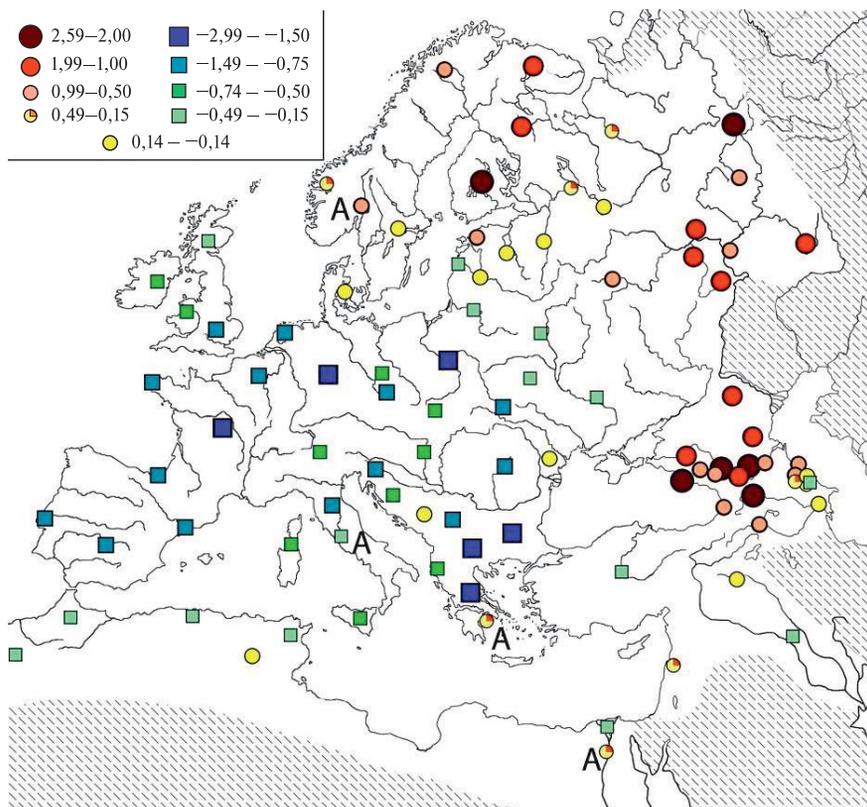

Рис. 3. Результаты обработки данных о встречаемости 459 мотивов группы А в 102 традициях. ЗГК, дисперсия 4,43%. Традиции с числом мотивов < 20 и с индексами от 0,14 до -0,14 не на схеме.

украинские меньше, чем русские и белорусская, а южнославянские — с древнегреческой и кавказскими. Для новогреческой традиции индекс ниже, чем для древнегреческой, так что речь определенно идет о древнем наследии.

Данные ЗГК для той же выборки высвечивают параллели между Кавказом и севером Европы (рис. 3). На Балканах некоторые аналогии есть в древне-, но не в новогреческом фольклоре, т.е. речь идет о достаточно раннем периоде. Самые обильные кавказские параллели на севере — у финнов и коми, хотя они есть и в древнескандинавской мифологии. Центр распространения подобного комплекса мог находиться в степях, где позже многие связанные с ним мотивы исчезли, успев проникнуть как на Кавказ, так и в Фенноскандию.

Область распространения противоположного комплекса (основная часть Европы) мало соответствует культурной ситуации Римского времени или Средневековья. Если же этот комплекс более древний, то он связан скорее с кельтами (галыштат и латен), чем с германцами.

Если исключить Восточную Европу и Кавказ и сравнивать Балтоскандию с Западной Европой, Средиземноморьем и семитскими традициями Передней Азии (2ГК), то окажется, что древнегреческая хотя и занимает почти нейтральное положение, но все же чуть ближе к прибалтийско-финским и скандинавским, в то время как новогреческая похожа на современные североафриканские и переднеазиатские. Среди конкретных сходжений между Древней Грецией

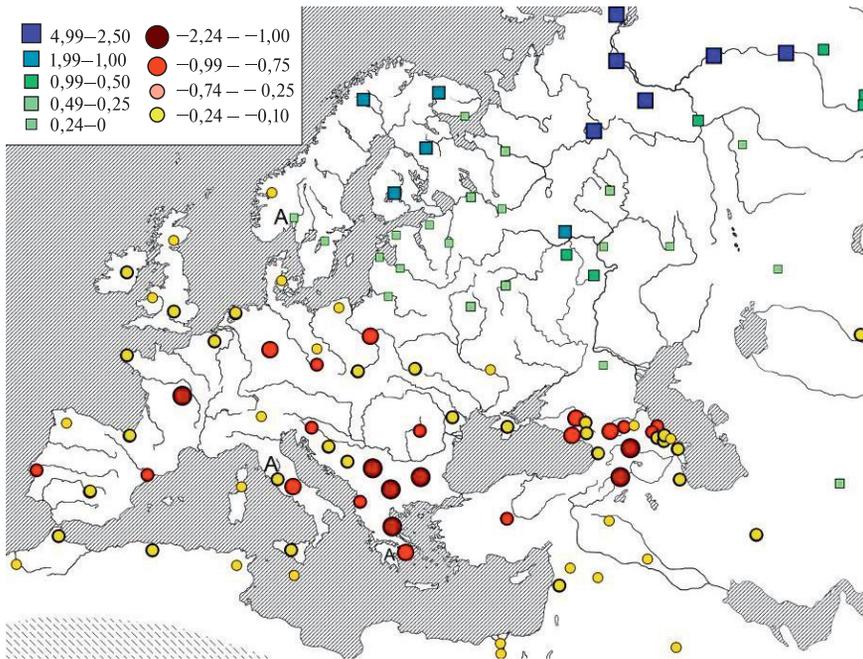

Рис. 4. Результаты обработки данных о встречаемости 536 мотивов группы А в 129 традициях. 2ГК, дисперсия 5,42%. Традиции с индексами от 0 до $-0,09$ не на схеме.

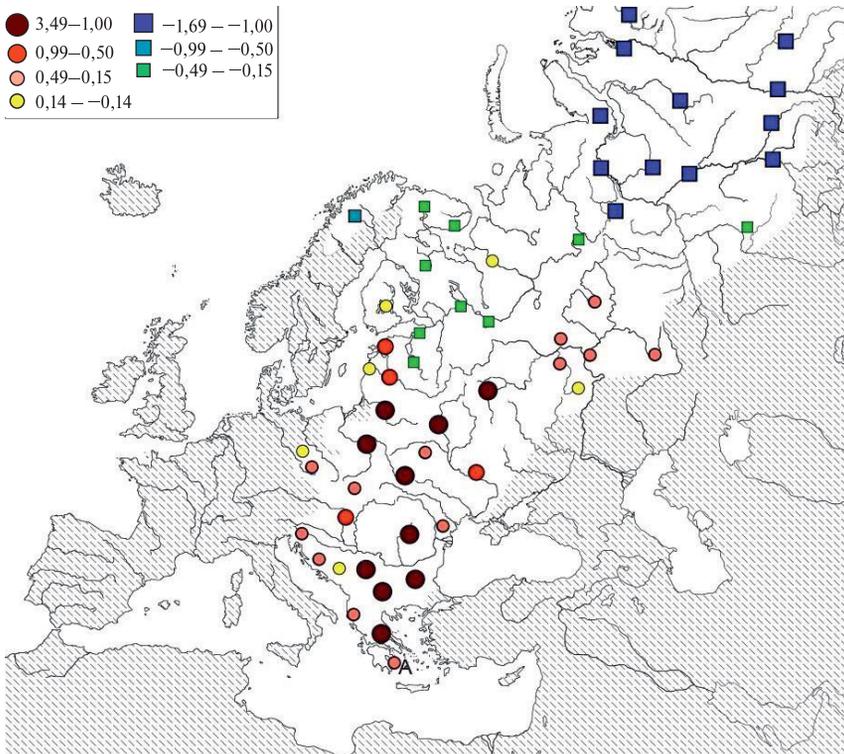

Рис. 5. Результаты обработки данных о встречаемости 467 мотивов группы А в 60 традициях. 1ГК, дисперсия 10,47%. Традиции с числом мотивов <20 не на схеме.

и Балтоскандией — образ выкованного медного неба, встречающийся как у Гомера (а также в Древнем Египте, у народов Кавказа, казанских татар и коми), так и в «Калевале» и, возможно, в Младшей Эдде («Видение Гюльви»).

Расширив выборку на восток и включив в нее Западную Сибирь и частично Среднюю Азию и Иран (2ГК), снова увидим, что североευропейская специфика вызвана связями с Сибирью и касается прежде всего финно-угров (рис. 4). Специфика Балкан и Кавказа — местная и влиянием Передней и Средней Азии и Ирана, равно как и Туркестана, не обусловлена. По контрасту с обильными сибирскими материалами проявилась связь западно- и центральноевропейских традиций с циркумпонтийскими. Если же выборку снова сузить и просчитать встречаемость мотивов группы А в полосе от юга Балкан до Кольского полуострова и Западной Сибири (2ГК), то связь северных русских традиций с финно-угорскими и принадлежность остальных славянских к тому же комплексу, что и древнегреческая, никаких сомнений не вызывает (рис. 5).

Если включить в выборку всю Сибирь, а также Монголию (но не Туркестан), то большинство европейских традиций окажется противопоставлено сибирским, но сибирский компонент ярче проявится у коми и у саамов, особенно восточных. В древнескандинавской мифологии он тоже немного заметен.

Эпизоды волшебной сказки и сказки о животных

Рассмотрим эпизоды, характерные для волшебной сказки и для сказки о животных (группы Б1 и Б2). Разница в тенденциях их распределения в данном случае невелика, поэтому объединим обе группы ради увеличения выборки.

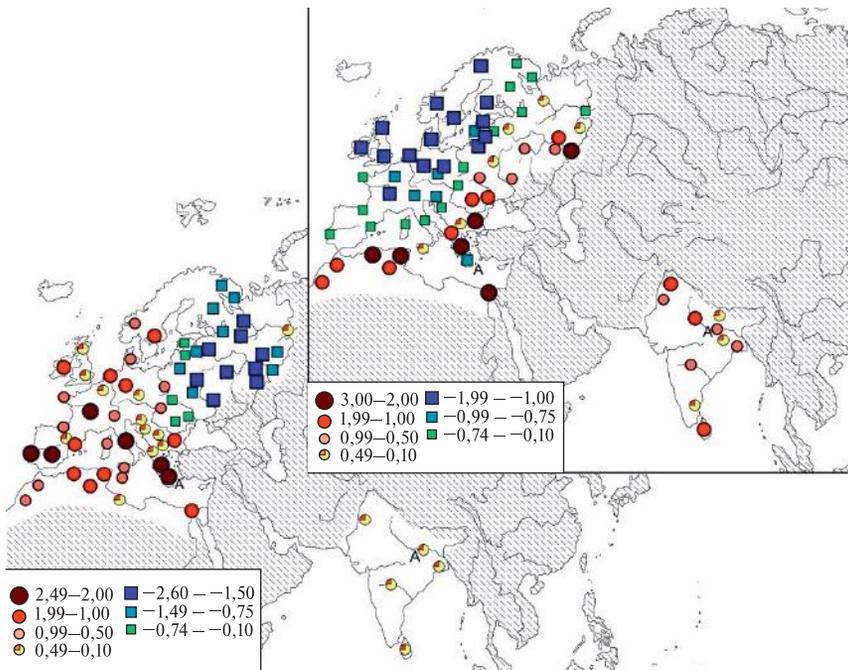

Рис. 6. Результаты обработки данных о встречаемости 945 мотивов групп Б1 и Б2 (эпизоды волшебной сказки и сказки о животных) в 494 традициях. Традиции с индексами от 0,09 до -0,09 и с числом мотивов <80 не на схеме. Внизу слева — 2ГК, дисперсия 4,94%, вверху справа — 3ГК, дисперсия 3,57%.

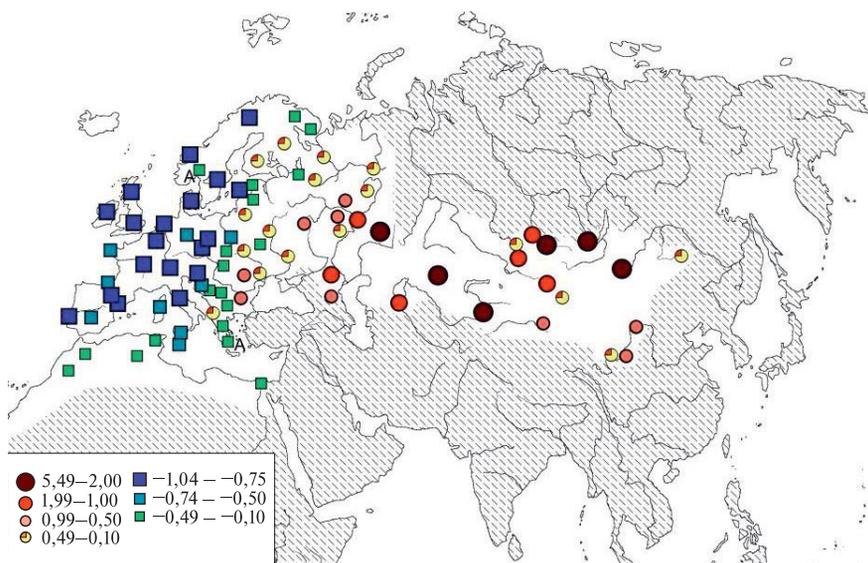

Рис. 7. Результаты обработки данных о встречаемости 908 мотивов групп Б1 и Б2 в 147 традициях. 2ГК, дисперсия 5,87%. Традиции с индексами от 0,09 до -0,09 и с числом мотивов < 80 не на схеме.

После Т. Бенфея Индия долго считалась «родиной сказок» [16; 17]. Эта теория утратила актуальность не потому, что была опровергнута, а по мере вытеснения из фольклористики исторической проблематики как таковой. Сейчас к данной теме можно вернуться, основываясь не на распространении избранных сюжетов, а на статистических данных о всей совокупности фольклорного материала.

Чтобы упростить картину и высветить связи между Европой и Южной Азией, исключим из рассмотрения промежуточные области: Малую и Среднюю Азию, Кавказ и Иран (рис. 6). Распространение соответствующих эпизодов показывает, что меньше всего общих мотивов содержится в традициях Северной Европы и Средиземноморья (2ГК). Что же до индийских параллелей (3ГК), то они есть на Балканах, в Северной Африке и в Среднем Поволжье, но южноазиатские традиции беднее европейских и североафриканских. Древнегреческая (3ГК) относится не к тому же комплексу, что новогреческая и индийские, а к противоположному (параллели в Северной Европе). Можно заключить, что хотя перенос сказочных эпизодов из Индии в Европу после конца Античности происходить мог, для формирования европейского фольклора существенного значения он не имел. К тому же некоторые из мотивов, общих для Европы и Индии, могли проникнуть в оба региона из Передней, Средней или Центральной Азии.

Совершенно иная ситуация с европейско-центральноазиатскими параллелями (рис. 7). Восточная Европа выглядит периферией тюрко-монгольского мира. Мотивы, распространенные в Западной Европе, представляют противоположный комплекс. Данные 3ГК дополняют картину. На этот раз (не на рисунке) больше всего азиатских параллелей демонстрируют традиции Средиземноморья, однако в основном лишь с казахами. В более восточных центральноазиатских и особенно в южносибирских традициях эпизодов, которые бы встречались в Европе и Северной Африке, мало. Центр распространения данного комплекса находится, скорее всего, в Передней

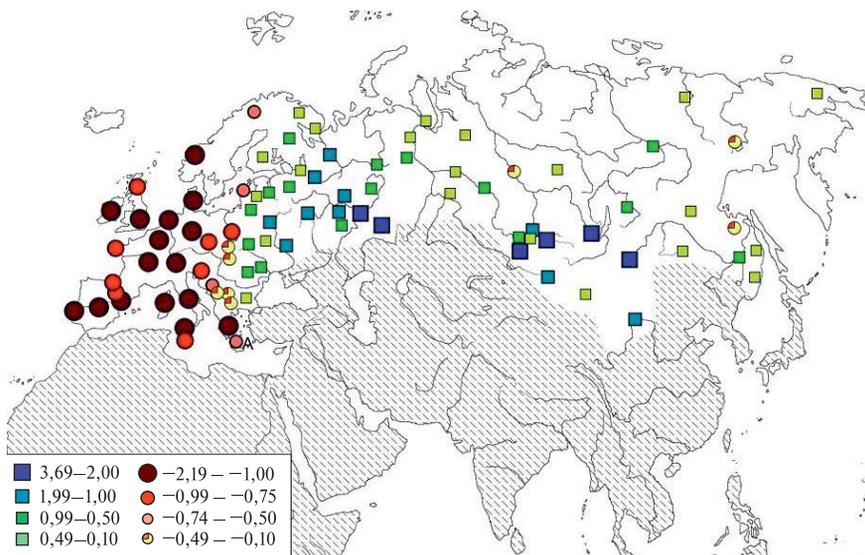

Рис. 8. Результаты обработки данных о встречаемости 969 мотивов групп Б1 и Б2 в 133 традициях. 2ГК, дисперсия 4,48%. Традиции с индексами от 0,09 до -0,09 и с числом мотивов < 90 не на схеме.

Азии и Иране. Хотя влияния разных центров наверняка перекрывают друг друга, на востоке Европы преобладают центральноазиатские связи, а на юге и западе – переднеазиатские.

Исключив Туркестан, добавив Сибирь и сохранив монгольские традиции (2ГК), получаем ту же картину, что и при сравнении Европы с Монголией через Казахстан (рис. 8). Таежная и тундровая зона Сибири центром распространения сказочных эпизодов не является, этот центр расположен в степи и лесостепи. Контраст по сравнению с картиной распространения мотивов группы А («мифы») разителен. Для мотивов, отражающих представления о мире,

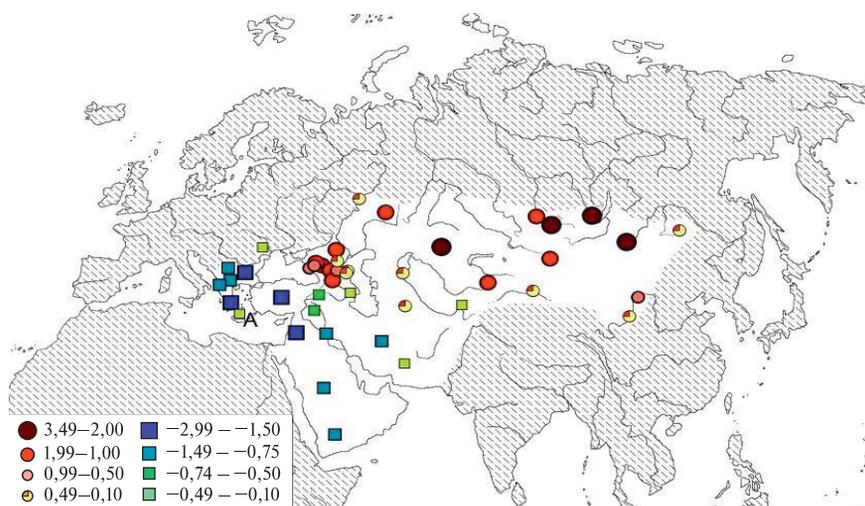

Рис. 9. Результаты обработки данных о встречаемости 839 мотивов групп Б1 и Б2 в 96 традициях. 2ГК, дисперсия 5,63%. Традиции с индексами от 0,09 до -0,09 и с числом мотивов < 80 не на схеме.

именно лесная и тундровая зона Сибири выглядит источником влияния на север Восточной Европы (рис. 1, 4, 5).

Закончим обзор сравнением Балкан, Кавказа, Передней, Средней и Центральной Азии без Восточной Европы (2ГК). Тюрко-монгольские традиции юга Сибири и Центральной Азии здесь максимально отличны от переднеазиатских. Балканы связаны с Передней Азией, Кавказ — с Монголией и Казахстаном. Вторая по значимости тенденция (3ГК, не на рисунке) показывает специфику Кавказа и наличие центральноазиатских параллелей также и на Балканах.

Выводы

Чтобы понять тенденции распределения фольклорно-мифологических мотивов в Восточной Европе и в частности в славянских традициях, необходимо учитывать связи этого региона с соседними. В Северной Сибири находится один из главных в Евразии центров обилия и разнообразия образов, отражающих представления о мире (мотивы группы А). Этот центр значительно повлиял на традиции севера Восточной Европы и Фенноскандии, в том числе на северные русские. Вполне вероятно, что до славянской колонизации северо-восток Европы в отношении фольклора и мифологии являлся прямым продолжением Сибири [18; 19. С. 96–105]. В более южных и западных славянских традициях заметнее связи с Центральной Европой и Восточным Средиземноморьем, в том числе с древнегреческой мифологией.

Что касается мотивов-эпизодов (группы Б1 и Б2), то древнегреческая традиция известна достаточно хорошо, чтобы в этом отношении ее можно было сравнивать с поздним фольклором Европы. При использовании факторного анализа древне- и новогреческий наборы приключенческих и трикстерских мотивов чаще всего располагаются по разные стороны от условного нуля, т.е. относятся к комплексам, которые друг от друга наиболее отличны. Это значит, что после конца античной эпохи набор повествовательных эпизодов в устных традициях Эгеиды значительно изменился. Новогреческий набор демонстрирует ближайшие параллели не в Скандинавии или Бретани, а в соседних балканских, североафриканских и переднеазиатских традициях, чаще всего мусульманских. Поэтому маловероятно, что после конца Античности источником новых мотивов для Эгеиды являлась Северная и Центральная Европа, первые сведения о фольклоре и мифологии которой относятся в лучшем случае ко второй половине I тыс. н.э.

Сравнение европейских наборов сказочных эпизодов с азиатскими в разных региональных комбинациях указывает на тюрко-монгольские традиции Центральной Азии и юга Сибири как на главный источник инноваций для Европы. Они повлияли на всю Европу, однако в Восточной Европе и в том числе у восточных славян степных параллелей больше, а по мере движения на запад их число сокращается.

Следующим по значению источником фольклорных инноваций для Европы, особенно Южной, могла явиться Передняя Азия, где мотивы, унаследованные от Античности, смешаны с распространившимися позже.

Почти во всех сочетаниях тематических групп мотивов с теми ареальными выборками, в которые включен Кавказ, этот регион выступает как важный центр фольклорного разнообразия. Вместе с тем его влияние на другие не выглядит существенным. Сепаратные связи между кавказскими и северными русскими традициями, скорее всего, вызваны тем, что одни и те же мотивы,

которые (в середине I тыс. н.э.?) были распространены в степной зоне, проникли оттуда на юг и на север и сохранились в относительно изолированных районах.

Южная Азия серьезного влияния на фольклор Европы не оказала. Даже те мотивы, которые зафиксированы как в Индии, так и к западу от нее, в Европу, скорее всего, проникли через переднеазиатское посредство. Учитывая их географическое положение, как Индия, так и атлантический фронт Европы вряд ли вообще могли быть значительными донорами культурных инноваций. Источники инноваций и области максимального разнообразия в сфере фольклора ожидаемы на пересечении разнообразных влияний и миграционных потоков. Вся территория от Монголии до Балкан и Центральной Европы отвечает этому требованию.

На западноевразийском фоне славянский фольклор выделяется богатством и разнообразием. Это, безусловно, касается восточнославянских традиций, а также болгар, но надо учесть, что данные по другим славянским группам в нашей базе данных представлены менее полно. Богатство славянских традиций не кажущееся, не вызванное их хорошей изученностью. После проработки основных собраний текстов по любой традиции вероятность обнаружить что-то принципиально новое в других публикациях быстро снижается и на статистику дополнительный материал мало влияет. Архангельский или западноукраинский фольклор проанализированы нами примерно столь же подробно или поверхностно (оценка зависит от того, что именно ищет в текстах исследователь), как французский или эстонский (хотя лучше, чем словенский или галисийский). Богатство фольклорных традиций есть следствие их положения на перекрестке внешних влияний и возможности заимствовать эпизоды и образы из разных источников. Откуда эти образы и эпизоды в конечном итоге берутся, где и когда они возникают впервые — на эти вопросы ответа нет и не может быть. Наш анализ лишь позволяет наметить пути их распространения. Для восточных славян четыре источника фольклорных заимствований выглядят основными. Это степной тюрко-монгольский мир; Кавказ; балкано-карпатская область; северный уральский субстрат и адстрат. Возможно, сюда следует добавить и Центральную Европу. Переднеазиатские влияния могли передаваться как через Кавказ, так и через Балканы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М. 1990.
2. Зарубина Н.Н. 1998. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998.
3. Aarne A., Thompson S. The Types of the Folklore: A Classification and Bibliography. Helsinki, 1961.
4. Thompson S. The Folklore. New York, 1946.
5. Thompson S. Motif-index of Folk-Literature. Bloomington, 1955–1958. Vol. I–VI.
6. Березкин Ю.Е. Распространение фольклорных мотивов как обмен информацией, или Где запад граничит с востоком // Антропологический Форум. 2015. № 26.
7. Березкин Ю.Е. Восточнославянский фольклор в европейском и евразийском контексте (результаты статистической обработки данных) // Антропологический Форум. 1916. № 31.
8. Березкин Ю.Е. Результаты обработки данных о распределении фольклорно-мифологических мотивов в Северной Азии (южноазиатские и американские связи) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (31).
9. Березкин Ю.Е. Сибирь и Центральная Азия как инновационный регион (материалы фольклора) // Антропологический Форум. 2018. № 39.

10. *Березкин Ю.Е.* Возраст мотива и способы его определения // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. № 1(3).
11. *Berezkin Yu.* Spread of folklore motifs as a proxy for information exchange: contact zones and borderlines in Eurasia // *Trames. Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015. Vol. 19 (1).
12. *Berezkin Yu.* Stratigraphy of cultural interaction in Eurasia based on computing of folklore motifs // *Trames. Journal of Humanities and Social Sciences*. 2016. Vol. 20 (3).
13. *Berezkin Yu.* Peopling of the New World in light of the data on distribution of folklore motifs // *Maths Meets Myths: Quantitative Approaches to Ancient Narratives (Understanding Complex Systems)* / Ralph Kenna, Máirín Mac Carron, and Pádraig Mac Carron eds. Springer Verlag, 2016.
14. *Березкин Ю.Е.* Ареальные связи древней японской мифологии // *Этнографическое обозрение*. 2020. № 1.
15. *Berezkin Yu.* Some motifs of Bulgarian folk beliefs in Eurasian context // *Изкуство & идеология / Art & Ideology* / Ed. by Kostadin Rabadjiev. София, 2012.
16. *Benfey T.* *Pantschatantra*. Leipzig, 1859.
17. *Ольденбург С.Ф.* 1924. Странствование сказки // *Восток. Журнал литературы, науки и искусства*. 1924. Кн. 4.
18. *Березкин Ю.Е.* Плеяды-отверстия, Млечный Путь как Дорога Птиц, девочка на луне: североевразийские этнокультурные связи в зеркале космимии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2009. № 4 (44).
19. *Березкин Ю.Е.* «Сказка о царе Салтане» (сюжет ATU 707) и евразийско-американские параллели // *Антропологический Форум*. 2019. № 43.